

Вошедшие в неизвестность

Автор:

[Алгебра Слова](#)

Вошедшие в неизвестность

Алгебра Слова

Несколько человек садятся в поезд. Между ними нет ничего общего. Бывший военный, тихий алкоголик, добродушный весельчак, беззаботный музыкант, практичный программист и простой парень. Покупая билеты в тихую глушь средней полосы, они не подозревают о том, что вскоре окажутся на южном острове, полным тайн. Через цепь обыденных и странных событий остров дает им свой шанс. Посмотреть на жизнь под другим углом... Через три месяца в холодной осенней Москве бывшие путешественники начинают искать друг друга, не имея твердой уверенности в том, что все герои существуют в действительности. За это время, параллельно проведенное на острове, у каждого из них полностью меняется жизнь.

Этот остров является лишь сном, который они видят на протяжении лета. Он слишком настоящий. И это заставляет их найти друг друга и убедиться в том, что привычная жизнь – не единственное существование мира. В конце концов, компания собирается вновь, за исключением одного человека. Но он, как выясняется, не мог быть одним из путешественников в Неизвестность, потому что умер в пятилетнем возрасте.

Алгебра Слова

Вошедшие в неизвестность

Пролог

«Станция прибытия: Неизвестность» – мигнуло зеленым на табло. Катя мотнула головой, на миг опустила свои голубые глаза и, опять подняв голову, прочитала надпись.

– Неизвестность... Девушка, – обратилась Катя к полноватой женщине, сидящей по ту сторону маленькой пыльной прорези окна в старом кирпичном здании железнодорожной станции, – а что там за направление в неизвестность под седьмым номером?

– Или покупайте билеты, или отходите. Здесь не справочное бюро. Здесь касса! Кас-с-са, – прошипела женщина, чуть подавшись вперед пышной грудью.

Катя отпрянула от окошка и сделала шаг в сторону, пропустив к кассе мужчину средних лет в темных очках. Он строго взглянул на Катю. Даже стекла его очков, за которыми и глаз-то не было видно, посмотрели на нее с укоризной.

Мужчина всем своим видом олицетворял мужественность и непоколебимую уверенность. И представлялся он всегда не именем, а именем и фамилией: «Николай Ферт!» Рубленая фраза звучала четко, как будто он рапортовал начальству. У случайных знакомых это иногда вызывало недоумение, но те, кто знал Николая поближе, уже ничего странного в такой манере не находили. А те, кто был знаком с ним давно, уже и не представляли, что Ферт может вести себя как-нибудь иначе.

Николай наклонился к окну и протянул в него руку с парой новеньких купюр. При обратном движении в руке уже оказался картонный желтоватый прямоугольник, который тут же исчез во внутреннем кармане пиджака. Мгновение спустя пальцы появились наружу, сжимая пачку сигарет, тут же открывая ее и вытаскивая сигарету. Все это было сделано одним точным, как будто тщательно выверенным движением.

«Словно робот», – мелькнуло в голове у Кати. Она оглянулась на мужчину, который сидел на скамейке поодаль. Полная противоположность «роботу». Даже сама поза, в которой сидел мужчина, создавала впечатление какого-то неуловимого разгильдяйства.

Катя улыбнулась разительному, но вполне объяснимому контрасту. Внешнее впечатление, производимое на окружающих, в большинстве случаев отражает образ жизни человека. Николай Ферт был военным, что и физически, и психологически наложило на него вполне определенный отпечаток. Строгая мужская стрижка. Военная выправка. Темно-зеленый костюм с иголки.

Мужчина на лавочке был... Скорее всего, он был все-таки музыкантом. Да и звали его все – «Музыкант», хотя он и не получил соответствующего образования, да и толком не умел ни на чем играть. Зато он прекрасно сочинял. Мелодии, музыку, слова, песни... Эти наброски долго еще приходилось отшлифовывать профессионалам в созданной им студии, но Музыканта это уже не заботило, поскольку приносило ощутимый доход и позволяло ни о чем не думать, кроме следующей идеи, которая не заставляла себя долго ждать.

Музыкант все норовил прислониться к спинке скамейки затылком, но она была для этого слишком низкой. Тогда он нехотя склонил голову вперед, но, очевидно, и эта поза тоже не устроила его удобством к полудреме. Вероятно, осознав невозможность комфортного пребывания на лавочке, Музыкант вздохнул, сел прямо, достал из кармана телефон и поднес его к глазам на пару секунд. Синий сапфир в тяжелом кольце на безымянном пальце на мгновение лениво отразил солнечный свет.

Катя повернулась к кассе и решительно произнесла, протянув деньги:

– Два билета в Неизвестность!

– Двести два рубля еще с вас-с!

«Вот змея, как ей удастся так страшно шипеть?» – Катя полезла в карманы, выгребая звенящую мелочь. Не хватало еще сто восемьдесят рублей. Она вновь обернулась к сидящему на скамейке Музыканту, боясь, что он увидит ее заминку, но тот, задумавшись о чем-то, даже не заметил ее взгляда.

Катя растерянно оглянулась по сторонам. Худощавый парень, стоявший рядом и наблюдавший за ее меняющимся выражением лица, вдруг протянул недостающие деньги с широкой добродушной улыбкой.

– Спасибо, – Катя обескуражено взяла купюры, передала в окошко и, получив два желтоватых прямоугольника, аккуратно убрала их в сумку.

– Пожалуйста, – кивнул парень. – Меня зовут Сергей. Похоже, и вы тоже в неизвестность хотите кануть?

– Хочу. Меня Катя зовут, а его, – она показала рукой на мужчину, сидящего на скамейке, – Музыкант.

– А меня зовут Николай Ферт, – даже не обернувшись, из-за спины, бросил мужчина в темных очках, удаляясь прочь.

Катя пожала плечами. Сергей, получив точно такой же прямоугольник, подмигнул ей и направился искать палатку с прессой.

Подойдя к Музыканту, Катя обняла его за шею и поцеловала в переносицу. Потом в губы.

– Я купила билеты. Еще три часа до поезда. Я хочу пить. Твоя очередь. Теперь ты иди, купи воды, – быстро проговорила, не давая ему собраться с мыслями. Но уловка чуть было не сорвалась.

– Да не три часа! У нас поезд должен быть через сорок минут. Ты напутала что-то. Дай-ка сюда билеты! – Музыкант поднялся, разминая затекшие ноги.

– У них табло неисправное! Через сорок минут не наш поезд. А наш – через три часа. Вот, смотри, – с этими словами Катя вытащила билеты из сумочки, быстро показала ему так, что невозможно было ничего разглядеть, и тут же спрятала обратно. – Пойдем лучше в тень, я растаяла совсем.

– Пойдем, – согласился Музыкант, пристально заглянув ей в глаза, но Катя так мило улыбнулась, что легкая тень сомнения, проскользнувшая было, мгновенно исчезла.

– Видишь, не работает. Станция Неизвестность. Разве такая бывает? – она посмотрела на табло, сощурившись от солнца.

– И, правда... – Музыкант, надев спортивную серую сумку на плечо, зашагал в сторону здания. Катя поспешила за ним, вложив свою ладонь в его руку.

На станции в разгар чрезмерно теплого весеннего дня было немногочисленно и тихо. Также бывает во дворе, когда к обеду ребятню загоняют по домам. Пространство вдруг становится сиротливым от убежавшего шума, но в воздухе радостно ощущается, что еще только самое начало летних каникул.

«Полтора месяца счастья! Свобода! – восторжествовало Катино сердце. И ехидно добавило: – В неизвестности!»

Глава 1

Проводив взглядом пару, скрывшуюся в массивных дверях вокзала, Сергей неторопливо направился к росшему неподалёку дереву. Раскидистые ветви огромного старого дуба кружевной шалью прятали солнечный свет.

В тени на низкой бетонной ограде расположился Николай. Он развернул газету и углубился в чтение. Сергей присел рядом и достал из рюкзака две бутылки пива. Одну он открыл, ловко прижав ее крышкой к бетонному краю. Вторую поставил на широкую ограду и чуть подвинул к Ферту ближе.

– Куда направляетесь? – обернулся Сергей к Николаю, желая начать диалог. Ферт с презрением глянул на предлагаемое угощение. Но говорить ничего не стал, в уме, однако, успел произнести нехитрые порицания в адрес молодого поколения.

Сергей Ванин, сделав последний глоток, смерил черными, точно такими же, как у Ферта, глазами расстояние и, прицелившись, бросил. Стекло с веселым звоном разбилось о дно железной урны. Сергей искоса посмотрел на неразговорчивого собеседника, гордясь своим точным броском и ожидая одобрения.

Николай нервно сложил газету и, взяв чемодан, ушел в сторону перрона. Остановившись рядом с невысоким плотным мужчиной средних лет, он кивнул в знак приветствия, и как всегда, отрезал:

- Николай Ферт!

- Петр! - улыбнулся круглолицый мужчина. Его обрадовало новое знакомство. Протянул широкую ладонь, и, несмотря на сухое, формальное пожатие Николая, оживленно начал разговор:

- Отличная погода, не находите?

- Нет, - ответил Ферт, взглянув на небо, которое стянулось полотном густой тучи. Сзади вновь раздался звон разбившегося стекла.

- Сидит, пьет пиво... Что из него вырастет? - проворчал Николай. Петр Королев обернулся на Сергея.

- А, что, собственно, произошло? Выпил парень пива. Не за рулем и не на работе. Сейчас поезд придет, он ляжет отдохнуть. Пусть расслабляется!

- Это безобразие! Пить в общественном месте, кидать в мусор бутылки. Очень дурное воспитание. Был бы моим сыном, выпорол бы тут же.

- Согласен, что можно было бы и просто опустить в урну. Но, ведь, как точно кинул! Посмотри! Ничего, что на «ты»? Урна далеко стоит, и отклонена в другую сторону. Это надо умудриться попасть прямо в цель! Молодец!

- Отлично... - недовольно протянул Ферт. - Вы, взрослый мужчина, поощряете такие поступки. Вот откуда все беспорядки. Из таких вот, допустим, мелких нарушителей и окружающих, которые ничего дурного в этом не видят. А через час этот парень будет пить водку, и швырять бутылки в головы людей! А через пять лет туда полетят свинцовые пули! С такой же радостью: «Как я здорово попал...» Все начинается с малого! Все! Катастрофа рождается в молекуле!

* * *

Обычно звук постукивающих колес становится слышно издали, он нарастает и заполняет пространство одновременно с появлением поезда. Но этот новенький серебристый состав каким-то непостижимым образом сразу оказался на рельсах возле перрона, когда старый громкоговоритель что-то прохрипел в ржавые

динамики.

Туча, заполнившая собою небо, с грохотом перевернулась, предвещая молодой весенний ливень. Сергей Ванин, подхватив рюкзак, поднялся на перрон и, быстро обогнав Николая, протянул билет проводнице. Следом за ним в вагон прошел Николай Ферт.

Королев, стоявший рядом, сначала рассеянно проверял карманы в поисках билета, а когда все-таки обнаружил его в сумке, вдруг отошел. Петр посмотрел вверх.

...Черная туча стремительно надвигалась, как будто занавесом пытаясь закрыть то, что когда-то уже свершилось. словно стирая из памяти прошедшие события для того, чтобы освободить место для новых впечатлений.

Начавшийся дождь смывал все то, чему суждено было остаться в прошлом, и Петр нисколько не возражал против этого, невзирая на то, что в прошлом у него не было ничего плохого. Впрочем, у Королева вообще никогда не было ничего плохого. Всего лишь потому, что мироощущение Петра не воспринимало негативную кинолентку жизни.

Он выучился на ветеринара, несколько лет отработал в лечебнице, а в годы перестройки ушел в торговлю и занялся продажей игрушек. семьей обзавелся рано, любил дочерей без памяти. Но жена и выросшие девочки относились к нему без уважения. Они считали его слишком веселым и простоватым. Королева ничуть не расстраивало такое отношение, он спокойно принял его как должное. Петру нравилось учиться, работать и...собственно, жить. Он всегда был в хорошем расположении духа, умел получать удовольствие от любого процесса. Никогда ни на что не обижался. И единственным огорчением было для него, если кто-то рядом грустил, а Петр не мог помочь...

- Молодой человек, поезд уже отходит, - обратилась проводница к Королеву. Она собиралась добавить что-то еще, но, посмотрев на лицо Петра, осеклась и промолчала. На лице Королева растекалось блаженство. Он стоял и радовался начинающемуся дождю, стоящему поезду, темной туче...

- Мне нравится дождь, - пояснил Королев, протягивая проводнице свой билет, - он смывает грязь с лица...

- Что? – удивилась проводница.

- Извините, – ответил Петр, – это слова из песни: «Мне нравится дождь. Он смывает грязь с лица. И чистые лица сияют, умытые влагой небесной...»

- Что-то я не слышала такой песни, – сказала проводница.

- Ее мало кто слышал, – согласился Королев, проходя в вагон.

- Кто же эту песню написал?

- Музыкант написал, видимо, – обернувшись, улыбнулся Королев.

- Ясно, что не повар, – засмеялась проводница...

Выходя из здания двухэтажного кирпичного вокзала маленькой станции, Музыкант увидел ожидающий пассажиров состав. Катя, не торопясь, пила воду из небольшой бутылки и каждый раз делала последний глоток, потом, собираясь завинтить крышку, решала, что жажда не утолена еще на один глоток.

- Кать, пойдем скорее. Поезд уже стоит. И дождь начался.

- У меня босоножка расстегнулась, – Катя невозмутимо передала ему недопитую бутылочку и присела подтянуть застежку на ремешке, расположившись между двух широких клумб, загородив собой узкую дорожку, ведущую к перрону.

Мимо них попытался пройти сутулый мужчина. Темные его волосы чуть тронула седина. Походка была неуверенной. Взгляд – виноватым. Катя резко выпрямилась прямо перед ним. Мужчина несколько отпрянул.

- Извините, – пробормотал он, натолкнувшись на ясный Катин взгляд голубых глаз, в которых на миг насмешливо проглянула наглость зверя, который всегда чувствует чужой страх.

- Бежим! Дождь! – Катя потащила за собой Музыканта к поезду, мысленно поблагодарив расстегнутую босоножку, сутулого мужчину и начавшийся дождь

за то, что Музыкант не заметил надпись. На серебристом корпусе удивительно длинного состава на первых четырех вагонах, почти во всю их ширину виднелись крупные слогги: «НЕ ИЗ ВЕСТ НОСТЬ».

* * *

...Поезд дал прощальный гудок и, медленно набирая ход, отправился в путь.

Ферт развернул газету, но не мог сосредоточиться. Мысли его уходили куда-то в сторону. Причем, совсем в нехорошую сторону. На уровне интуиции Николай улавливал исходящую опасность или угрозу. Долгие годы службы дали хороший навык чувствовать людей, хотя и развили излишнюю подозрительность ко всему окружающему.

Он повернул голову к окну, время от времени бросая то отсутствующий взгляд на развернутую газету, то изучающий – на остальных пассажиров в плацкартном вагоне. Николай заметил Ванина, но, когда тот весело кивнул ему, Ферт не ответил.

Ему не понравилась простота Сергея, с которой он дал недостающие деньги Кате и пил пиво на станции, безобразно разбив бутылки. Если первый поступок еще хоть как-то оправдывал Сергея в глазах Николая, то второй очень не понравился Ферту. Само распитие алкоголя с первым встречным в неподобающих условиях претило Николаю.

Ему также не понравился Музыкант, на которого показала Катя, но не потому, что тот был каким-то образом опасен. Он подсознательно воспринимался Николаем, как полная противоположность самому себе. Они не общались, но сам вид, манера двигаться, разговаривать, жесты и мимика Музыканта – все говорило о том, что этот человек очень не любит подчиняться кому бы то ни было, и не признает никаких правил. А Ферт не мог иначе существовать, кроме как, подчиняясь кому-то, или подчиняя кого-то себе, в соответствии с принципами, которыми изобилует любое «свободное» общество. И другого поведения Николай не принимал.

* * *

Музыкант убрал вещи в багажный отсек и сел напротив Кати. Задумчиво посмотрел на нее. Потом взглянул в окно. На небо. Черная туча быстро проходила, и оно становилось голубым. Музыкант опять посмотрел на Катю. Как будто часть этого неба плескалась в ее глазах.

...У Музыканта было достаточно много женщин. Недолгие связи приносили удовольствие и не слишком обременяли его. Он никогда никого не обманывал, не давал надежд и не пускал пыль в глаза ни словом, ни действием. Надо было отдать ему должное, Музыкант ко всем относился одинаково уважительно, как... к срезанным живым цветам, украшающим мир своей недолгой красотой но, не задерживающимся в памяти.

Познакомившись с Катей, Музыкант ни на секунду не думал о том, что есть воздух. Зато его отсутствие пришлось почувствовать во время недолгих, но очень частых и сильных ссор. Музыкант не поверил в ее любовь, когда Катя первая призналась ему. И не верил, когда вновь и вновь она произносила эти слова.

Точно также, как и Катя, избалованная мужским вниманием, не верила ему. Музыкант думал о том, что, наигравшись, она когда-нибудь уйдет. А Катя не переставала бояться того, что когда-нибудь уходя, не вернется он. Но время шло, и любовь вращалась в их сердца, сделав их упрямые души единым целым, однако, при этом не добавив ни капли веры друг в друга...

- Кать! Ты пить хочешь? - спросил Музыкант.

- Нет, - ответила Катя, не отрывая от него глаз.

- А есть хочешь?

- Нет.

- А что ты хочешь?

- Я тебе потом скажу, - пристально глядя на него, ответила Катя...Конечно, покупать билеты в СВ купе было несколько дороговато, на эту сумму можно было бы купить билеты на самолет. Но самолеты в Неизвестность не летали, а в

плацкарте Музыкант бы не поехал, даже если бы это остался единственный способ передвижения на свете, о чем Катя уже прекрасно знала. Музыкант был достаточно обеспеченным человеком, чтобы беспокоиться о таких несущественных для него мелочах. Однако, за билеты заплатила Катя. Музыкант об этом просто не подумал. А если бы задумался, то понял бы, какой иногда оказывается сволочью...

- Миш, - Катя откинула занавеску, - смотри какие там молнии.

В правом углу окна было видно, как медленно уходили темно-синие тучи. И внутри них сверкали две молнии, танцуя причудливый танец гигантских небесных мечей, выкованных из серебряного огня.

- Уходят... Они уходят в никуда, - произнес Музыкант.

«Они уходят в Неизвестность», - подумала Катя и подошла к нему.

- Переоденешься? - спросила она, и одновременно, не дожидаясь ответа и расстегивая ему рубашку, поцеловала. Музыкант, поймав ее руку, прикоснулся на миг губами. Катя окинула собственническим взглядом его мускулистое тело и, вздохнув, достала из сумки футболку.

Музыкант включил айпад и ушел в себя. Она под села к нему, подключила через адаптер вторые наушники и стала наблюдать, как из-под его пальцев, легко касающихся экрана, уверенно возникала мелодия.

- Здесь пониже сделай.

- Что пониже? - рассеянно спросил Музыкант.

- Вот это пианино, - Катя ткнула пальцем.

- Это гитара, горе мое.

- Все равно пониже, она визжит и портит мелодию, - упрямо сказала Катя.

- Иди лучше узнай, что там с кофе.

– Не пойду, я с тобой хочу! – повысила она голос. Музыкант поднял ее и выставил в коридор, шепнув на ухо:

– Ты мне мешаешь, дай я закончу. Научишься сидеть тихо – вернешься.

Катя встала у окна. Старательно подышав на стекло, нарисовала пальцем солнышко и от удивления распахнула глаза: туча на небе мгновенно разъехалась в разные стороны, словно двери в метро, а появившееся солнце точно вписалось в нарисованную окружность. Тогда она пририсовала два сердца по бокам, и тут же они заполнились белыми облаками.

– Ага... – удовлетворенно сказала Катя. – А так?

В сердечках вывела стрелы. За запотевшим стеклом вдалеке сверкнули две молнии ровно по линиям стрел. Тогда Катя с воодушевлением внизу написала по две начальные буквы от имени Музыканта и своего. Песчаная насыпь за окном вдруг стала выше, как будто послужила строчкой для получившегося слова.

– Миш, Миш... – таинственно произнесла Катя, заглянув в свое купе. – Посмотри, у меня живой рисунок.

– Не морочь мне голову, – разозлился Музыкант. – Дай мне хотя бы десять минут тишины!

– Хоть сто! – она с силой задвинула дверь так, что и соседняя дверь в купе испуганно закрылась следом.

Катя постучалась к проводнице, и, не дождавшись ответа, дернула за ручку. В купе не было ничего из того, что должно было бы там быть. Ни самой проводницы, ни полка, ни столика, ни шкафа. Ничего. Пустое купе с окном, которое было открыто настежь.

Она перешла в другой вагон и, увидев уже знакомого ей Николая Ферта, улыбнулась ему:

– Можно к вам?

Николай благосклонно кивнул, и Катя присела на краешек сиденья напротив.

- Гуляете? – поинтересовался Ферт.

- Он меня выгнал, – беспечно пояснила Катя. У Николая удивленно поползли брови вверх. – Я ему мешаю.

- Чем?

- Советами, – она вздохнула.

Николай чуть улыбнулся. Катя ему понравилась. Искренняя, вежливая, аккуратно одета. Длинные каштановые волосы, светлые глаза, милая улыбка. Катя умела производить на редкость хорошее впечатление...

- Я сейчас, – Катя, спохватившись, спешно поднялась и прошла дальше. Она прошла все вагоны состава до самого хвоста, стучась в купе проводниц. Но везде повторялась одна и та же картина. Купе были пусты, а окна в них открыты. Катя заглядывала и в обычные купе для пассажиров – никого из людей там не было. Поезд равномерно двигался практически пустым...

* * *

В соседнем отсеке того же плацкартного вагона, в котором ехал Ферт, сидел сутулый немолодой темноволосый мужчина. Он все время оглядывался, как будто искал кого-то. Потом вздохнул, потер нос указательным пальцем и полез в сумку. На откидном столике появился своеобразный «квартет», состоящий из бутылки водки, хлеба, банки шпрот и пакета со свежими огурцами. Затем мужчина негромко обратился к Сергею, который сидел рядом и читал книжку:

- Молодой человек, компанию не составите?

Ванин задумался на пару секунд, тряхнул черной вихрастой головой и резво подсел:

- С удовольствием продолжу.

- Серый, - Александр протянул Сергею руку.

- Это я - Серый, - засмеялся Ванин. - Сергей - имя.

- Серый - моя фамилия. Александр. Вот если бы у меня была двойная фамилия, то второй следовало бы быть Заяц.

- Волк, - возразил Ванин.

- На волка не тяну, а до зайца в самый раз дожил, - усмехнулся Александр.

Они разговаривали и смеялись все громче и громче с каждой выпитой рюмкой. Ферт презрительно поджал губы, пытаясь не реагировать, но потом все же не выдержал и подошел к ним:

- Уважаемые, для таких чаепитий существует вагон-ресторан.

Но «уважаемые» обрадовались и налили ему «штрафную», приглашая присоединиться. Ферту пришлось ретироваться на свое место, потому что разговаривать с ними в таком состоянии было уже бесполезно.

Катя медленно шла по вагону обратно. Николай заметил, что вся ее беспечность куда-то исчезла. Она вновь села напротив Ферта, рассеянно слушая разговор Серого и Ванина, раздумывая о том, что лучше сделать, сразу рассказать ли Музыканту о том, что в поезде не все в порядке или пройтись до начала состава. Катя оглядела весь вагон и троих мужчин, находившихся в нем. Ей стало немного не по себе. Это походило на фильм или сон... Тревожно стало. С каждым следующим мгновением Катя отчетливо ощущала абсурдность ситуации, в которой они оказались. Она уже пожалела о том, что бездумно взяла билеты в неизвестное направление...

- Пойду, вымою руки, - медленно поднялся Серый, покряхтывая и опираясь руками о столик. Натыкаясь на препятствия, извиняясь перед полками и окнами, он стал продвигаться в конец вагона.

Катя обернулась ему вслед, затем глянула на Ферта и, не выдержав, высказала вслух одолевающие ее сомнения:

– В вагонах нет проводниц. Их купе – пусты. Окна открыты. Я прошла весь состав до самого конца. Народу в поезде, кроме нас – нет.

Слова застряли в пространстве. Возникла неловкая, напряженная пауза.

Ферт, не отрывая глаз от газеты, нахмурился. Он был уверен, что стоит только начать разбираться, окажется, что Катя что-то напутала, где-то не там посмотрела: «Нет проводниц в поезде. Придумает тоже... Нелепость какая!»

Александр, услышав, чуть приостановился. Ванин округлил глаза и крикнул:

– Ого!

А за окном равнодушно мелькали небольшие холмы, чёрно-коричневые скалистые отвесы, однообразные зеленоватые полосы весеннего леса. Признаки цивилизации ограничивались наличием серых столбов, соединённых линиями электропередач и гравийной насыпью вдоль единственного железнодорожного пути – того самого, по которому поезд уверенно шел в Неизвестность.

Александр вернулся обратно. Алкоголь стал выветриваться из головы, и до Серого наконец дошел смысл Катиных фраз: «Проводниц нет... Их купе пусты...»

Под презрительный взгляд Ферта Александр ссутулился еще больше и протиснулся к своей полке, решив выпить еще. Не присаживаясь, налил себе полстакана, взял надкусанный огурец и столкнулся с твердым Катиным взглядом. Девушка смотрела на Александра прямо, без укора, но и без понимания.

Серый впервые видел такой открытый взгляд. Эти глаза умели говорить. Однако, сейчас они требовали ответа. И Александр, вздохнув, поставил стакан обратно на столик.

«Посмотрю, что с проводницами», – мысленно ответил он, и Катя вдруг улыбнулась, поняв его...

Ванин заснул. Ферт достал сигареты и вышел. Мысли о странности поезда без проводниц, он решительно прогнал прочь.

Александр прошел два пустых вагона. В следующем вагоне-ресторане тоже не было ни одной живой души. Заглянув в кухонный отсек, Александр и там никого не встретил. Тогда Серый решил дойти до головы поезда и найти машиниста.

* * *

Музыкант вышел в тамбур. Не спеша закурил. Глядя через замызганное окно на проносящийся мимо скучный пейзаж, он задумался. Не выходила аранжировка так, как бы он этого хотел. Некоторая монотонность присутствовала. Вдруг его осенило: «Сделаю-ка я подряд две модуляции между вторым и третьим куплетом! Тогда и монотонность разбавится».

Музыкант быстро смял окурок в пепельнице и хотел вернуться к себе в купе, но, занятый мыслями о композиции, прошел дальше, до самой кабинки машиниста. Дернул ручку – дверь оказалась заперта.

Сзади Музыкант услышал шаги. Обернулся – темноволосый мужчина стоял перед ним, тот самый, которого они встретили с Катей на станции. Он потер нос указательным пальцем и виновато произнес:

– Тут такое дело... Мне бы к машинисту надо.

– Закрыта дверь, – резонно заметил Музыкант и еще раз подергал для наглядности ручку.

– Надо бы зайти... – робко сказал Серый.

– Зачем? – Музыкант постучал, но никто не ответил.

– Д-дело в том, что в поезде нет ни единого человека из персонала.

– Здрассти... – не поверил Музыкант. – Проводницы же были, когда мы сели в поезд. А теперь их нет? И что, пассажиры едут сами по себе?

– А пассажиров тоже почти нет. Так, с пяток во всем поезде. Это сказала девушка со светлыми глазами, с которой вы сели в поезд.

– Не удивлюсь, если она всех проводниц связала и спрятала. Она может и разыграть, ей абсолютно нельзя верить, – рассмеялся Музыкант.

– Я проверил, – оборвал его смех Серый. Музыкант вышиб дверь резким толчком. Кабина машиниста была пуста. Кроме огромной панели приборов под окном находился только огромный монитор.

– Что там? Есть кто-нибудь? – попытался заглянуть Серый.

– Ровным счетом ни-ко-го, – Музыкант сделал шаг к сенсорному дисплею, который тут же загорелся зеленым светом с надписью на экране: «добро пожало». Музыкант невольно вздрогнул и замолчал.

– Не влезла надпись, – Серый попытался разрядить обстановку.

– Да нет, надпись как раз полностью, окончание в этот раз только может быть другое. В этот раз. В следующий раз, который приближается, – Музыкант словно повторил чьи-то слова, слышанные им ранее. Он коснулся пальцами экрана, и надпись изменилась на стандартное меню.

«Выберите время прибытия: прошлое, настоящее, будущее».

Серый пожал плечами и ткнул: «прошлое». Музыкант тут же сделал отмену.

– Сдурел что ли? Не игрушки это. Выкину тебя сейчас в окно, и ковыляй в свое прошлое. Давай-ка, дверь закроем, а ночью, когда все уснут, вернемся и, как следует, тут все посмотрим, – решил Музыкант. – Может, это новые поезда-автоматы уже на Москву пустили, а мы не в курсе второго пришествия научно-технической революции?

– На какую Москву? – удивился Серый. – Мы едем в Неизвестность, а не в курсе, очевидно, один ты.

– Ну, хулиганка!

– Кто?

– Девушка! Со светлыми глазами! – разозлился Музыкант. – Катей ее зовут.

– Хорошее имя.

– Обалденное, – хмыкнул Музыкант. – Выходи! Дверь закроем как-нибудь, чтобы никто этого не видел. И не нажал что-нибудь в меню. Тут замок надо выгнуть и вправить. Металлическое есть что-нибудь?

– Открывашка и штопор, – не смутившись, с готовностью вынул Александр свой инструмент. Музыкант хмыкнул еще раз, и они приладили дверь назад.

– Вроде незаметно, – полюбовался Серый.

– Ага, – согласился Музыкант, – пойдём.

На обратном пути, настроение Музыканта стало меняться, а мысли приняли философское направление: «Проводницы вначале были, потом исчезли. Поезд ведь тронулся? Тронулся! Значит, вначале и машинист был. Потом исчез. Ну и что? Можно подумать, что жизнь наша имеет проводниц, помогающим нам в пути, и машиниста, управляющего ее движением. Не имеет ведь жизнь ни проводниц, ни машиниста. И ничего, живем ведь... И вообще, что это за слово такое «проводник» или «проводница»? Какое-то оно весьма многозначительное... Это тот, который сопровождает в пути... Сопровождает? Или провожает? Скорее уж провожает тогда, если «проводница», а не «сопроводительница». Они «проводили» всех и ушли... Потому что дальше сами давайте, пацаны и девчонки. Сами! Вам жить. Мы вас только проводили...»

Он заглянул в купе:

– Кать! Ты мне ничего сказать не хочешь?

Но вопрос Музыканта повис в воздухе. Он забыл, что сам же и выставил ее из купе, когда она мешала ему писать музыку. Кати в купе, естественно, не было...

– Эй, как тебя?

– Серый, – обернулся Александр и улынулся, – познакомиться-то и не успели.

– Михаил. Если увидишь, скажи этой девушке, чтобы на место вернулась немедленно! – крикнул Музыкант. И добавил: – А еще лучше, слопай ее с потрохами, раз ты – Серый. Сделай доброе дело!

– Хорошо...

* * *

Смущаясь, Серый подошел к Кате, как только вернулся в свой вагон. Она с неподдельным интересом слушала, как Ферт яро обсуждал вслух какую-то политическую статью в газете. Видя внимание, Николай распаялся еще больше по поводу очередной новой редакции закона. Александр откашлялся:

– Ваш друг, Михаил, просил вернуться.

– Эх, узнал уже, – она вздохнула и, безнадежно махнув рукой в знак прощания, ушла.

Николай хотел было продолжить свою недосказанную вслух мысль, но Александр равнодушно лег на свою полку и закрыл глаза. Его протрезвевший ум под негромкий храп Сергея попытался сконцентрироваться и придумать объяснение происходящему, но плавное движение поезда быстро укачало Серого. Ферт открыл газету, но вскоре чтение расслабило и его. Николай заснул сидя.

Никто из пассажиров, кроме Кати, не ощущал тревоги относительно сложившейся ситуации. Ферт не поверил, что проводниц нигде нет. Музыкант еще мысленно пребывал в сочиняемой им композиции, Серый нечаянно уснул, Ванина сморил алкоголь и сытные бутерброды, а Королев ничего не знал...

* * *

Катя бесшумно вошла в свое купе и осторожно села на место с краю, поближе к открытой двери.

– Теперь я очень хочу, чтобы ты меня выслушала и дала человеческие объяснения своим поступкам, в результате которых, мы сейчас едем неизвестно куда в поезде, где нет машиниста! – с этими словами Музыкант отвернулся к окну.

Катя за его спиной тотчас же зажала ладонями уши, потому что нарастающий тон Музыканта сулил крайне нелицеприятный монолог. Он отвернулся от нее специально, потому что не хотел увидеть, как ее глаза могут наполниться влагой. Этого Музыкант не выносил, ему хватало несколько секунд для того, чтобы начать поцелуями собирать слезинки из бесконечно любимых глаз, и, естественно, не продолжать никакие разговоры. А Катя нарочно закрыла уши, чтобы не начать реветь, поскольку еще не научилась сносить его раздражение стойко.

Спустя несколько минут Музыкант обернулся, но ее уже не было. Катя мчалась к голове поезда. «Машиниста нет... Не я же его съела. Я не знала! Я думала, что это обычный поезд. В Москву бы успели приехать, все равно время было свободное. Целый месяц был! Если там есть монитор, значит, есть и системный блок. Я все исправлю. Можно подумать, это я во всем виновата! У тебя всегда виновата я, и все время», – беспокойно металась ее мысли.

Миновав вагон-ресторан, Катя оказалась перед закрытой дверью кабины машиниста и со злостью толкнула ее. Огляделась. «Замок-то погнут, – Катя еще раз подергала ручку, заметив через щель, что на замок дверь не заперта.

– Прекрасно, я ее сейчас тогда и выдавлю. Палку бы мне или молоток...»

Она схватилась двумя руками за металлическую трубку, на которой крепились оконные шторы, и дернула на себя изо всех сил. Затем ткнула ей в личину замка. На пятый раз дверь услужливо открылась. Дисплей приветливо позеленел надписью: «добро пожало». Катя вздрогнула.

Подойдя ближе, нажала кнопку перезагрузки, вошла в нужную папку реестра и стала внимательно смотреть за ползущими вверх белыми строчками по черному экрану. Дождавшись нужной командной строки, свободно заиграла пальцами по виртуальной клавиатуре, словно по клавишам фортепиано. Нажав подтверждение, вновь перезагрузила.

Перестук колес стал менее деловитым, деревья за окном поплыли гораздо медленнее...

* * *

Музыкант вышел в коридор, намереваясь найти Катю. Но, услышав знакомый мотив своей песни, негромко доносившийся из соседнего купе, заглянул туда. Петр сидел у окна, задумчиво глядя на небо, и, напевая себе под нос, в такт постукивал пальцами о столик:

- Однажды скорый поезд шел неведомо куда. В места, где не встречаются другие поезда...

Музыкант стоял в двери и слушал. Петр, не замечая его, с воодушевлением продолжал под шум колес, стараясь придать голосу хрипловатость:

- Гости пришли. Где же хозяин? Знаем только, что он есть... и дом его бескраен, - Королев выразительно повысил голос.

- Вроде, - закончил Музыкант строчку.

- Тоже знаете? - заулыбался Петр и поднялся навстречу.

- Знаю, - ухмыльнулся Музыкант.

- Петр, - представился Королев. - Я вот тут распелся. Настроение хорошее. И песня хорошая!

- Ну... так, - чуть смутился Музыкант... - В тему.

- Да! - оживленно закивал Королев. - Именно так!

* * *

Когда поезд поехал в обратную сторону, Катя спокойно выдохнула. Посмотрев на монитор и, окончательно успокоившись, она прислонилась к стенке. Затем сползла и села, обняв колени руками. Она смотрела в окно на движущуюся картину неба. Катя хотела вернуть все обратно. Глаза ее невольно закрылись... на секунду, в которой минуты сбиваются со счета.

- Назад поехали, - сказал Петр. - На другой путь, наверное. Первый раз еду в Неизвестность. Что это, деревня или город, не знаю. Надо же какое название!

Поезд резко дернулся, остановившись, и снова поехал вперед, увеличивая скорость. В соседнем вагоне с полки упал Сергей. Он, с трудом соображая спросонья, посмотрел на спящего Серого, перевел взгляд на задремавшего Ферта и поднялся с пола.

- Да... - Музыкант с тревогой посмотрел в окно и подумал о том, что, несмотря на отсутствие машиниста, составом все же кто-то управляет...

* * *

...Катя открыла глаза. Вскочила. Поезд ровно шел вперед.

«Проспала! Я проспала нужный момент! Вот... Как же это я, а?» - укоряла она себя, пытаюсь вновь войти в систему управления, но та упорно признавала себя инвалидом по-английски, высвечивая сообщение о том, что любые изменения будут больше недействительны. Катя все-таки разревелась.

- Эй! - в кабину машиниста вошел Сергей с взъерошенными волосами. - Опять денег не хватило?

- Хуже, - всхлипнула Катя, - теперь мозгов. Я, кажется, систему сломала, и остановка поезда возможна теперь только через это дурацкое меню! Что теперь делать?

Катя опять села на пол. Ванин опустил перед ней на корточки.

- Когда не знаешь, что делать, надо просто присмотреться и увидеть ответ! - Сергею захотелось как-то отвлечь ее.

- Увидеть где? – недоуменно спросила Катя.

- В глазах! – выпалил с ходу Сергей.

- Вот, погляди в мои, – она живо взглянула на него, – и спроси, как с этим поездом сладить?

- Не вижу, – внимательно посмотрев, разочарованно сказал Сергей.

- Не протрезвел еще, значит, – улыбнулась Катя, немного успокоившись, – тогда можешь просто спросить. Я, кстати, могу ответить на один самый первый и сокровенный вопрос в жизни человека.

- На любой вопрос? – заинтересовался Ванин.

- Да, – важно ответила Катя.

- На самый важный? – уточнил еще раз Сергей.

- Да, – беспечно сказала Катя, – но это уже второй вопрос!

В дверях неожиданно захохотал Музыкант, который, подойдя к кабине, услышал их разговор.

Ванин, наконец, понял шутку и смущенно улыбнулся.

- Кать, ты и замок выломала? – Музыкант кивнул головой в сторону валяющейся трубки и замка. – Тебя на минуту можно оставить одну?

- Лучше, не надо, – Катя потянулась к нему, поняв, что Музыкант уже не злится. В глубине ее глаз обнаружилось едва заметное, но искреннее извинение, которое тут же исчезло вслед за появившимся незначительным раскаянием. Обезоруженный Катиным взглядом Музыкант в ответ сделал вид, что щелкнул ее по носу, и пересказал Сергею все известные на тот момент события.

- Надо позвонить куда-нибудь, попросить помощи, – предложил Сергей.

- В техподдержку, - ответила Катя. Но на экране никаких контактов не было. Они осмотрели всю кабину в надежде найти записанный где-нибудь номер или, может быть, кнопку для экстренной связи, но ничего подобного не обнаружили. Не нашлось вообще никаких инструкций ни по управлению поездом, ни по действиям в непредвиденных ситуациях.

- В службу спасения? - предложил Музыкант, доставая из кармана мобильный телефон. - Во... Связи нет.

Сергей проверил свой - сети не было.

- Ничего удивительного, - сказала Катя. - От станции отъехали достаточно далеко, наверное, вышли из зон покрытия всех операторов. Когда заработает связь - неизвестно.

- В неизвестности все неизвестно, - философски произнес Музыкант.

- Ну, пока связь не появилась, - Сергей задумался, - два варианта нам осталось.

- Первый, понятно, - ответил Музыкант, - собрать всех и попробовать пройти это меню, ответив на вопросы. Тогда есть шанс на остановку.

- Второй - спрыгнуть с поезда, - медленно произнес Сергей, глянув в окно. - Скорость небольшая. И пусть этот поезд катится себе дальше.

- А сколько нас в поезде? - спросил Музыкант. - В нашем вагоне трое...

- И в соседнем - Ферт, Серый, и Сергей, - сказала Катя. - Шесть! Можно и еще поискать. Но я больше не видела никого.

- Такой огромный поезд, а нас по пальцам пересчитать? - удивленно спросил Сергей. - В общем, я за второй вариант, валить надо отсюда.

- А я за меню! - сказала Катя.

– Пошли к народу, посоветуемся, я ни к чему не склоняюсь, – предложил Музыкант. – У каждого варианта есть свои плюсы и минусы.

– Пойдем, – согласился Ванин...

* * *

...Серый рассеянно слушал, отвернувшись в окно, ничем не выражая своего отношения к рассказанному. Петр воспринял полученную информацию с неожиданной заинтересованностью, словно ему рассказали правила веселой игры, в которой предстояло принять участие. Ферт нахмурился:

– Положение дел оставляет желать лучшего. Если компьютер управляет поездом, значит, в него уже заложена программа. Хорошо, если это остановка в предполагаемом месте. А если это взрыв, самоуничтожение? Что скажете?

Александр, Сергей и Петр, как по команде, подняли глаза на Николая. Зато Музыкант и Катя равнодушно и преспокойно уселись на сиденье.

– Прыгать... – задумчиво произнес Петр. – Прыгать с поезда, конечно, оно безопаснее взрыва-то... Может, лучше попробуем еще раз в компьютере выбрать меню и сразу спрыгнем, ежели что?

– Петр, – остудил его Ферт, – это не качели. Все попытки с компьютером могут привести неизвестно к чему. Если произойдет увеличение скорости, к примеру? Тогда и прыжок окажется невозможным. Сейчас скорость довольно небольшая и ровная. Я научу, как нужно сгруппироваться. Я считаю, что всем нам необходимо покинуть поезд и не лезть в системное управление.

– Правильно! Я тоже так считаю! – поддержал его Ванин и еле слышно пробормотал: – Тем более, что я еще никогда с поезда не прыгал...

– Ну как хотите, – Петр пожал плечами.

– Я не буду прыгать, – вдруг произнес Серый.

- Ты останешься в поезде один, - твердо Николай. - Что ты будешь делать?

- Да какая разница, один или не один. Прыгать не буду. А вы можете делать, что хотите. Я не собираюсь себе ломать ни шею, ни голову!

- Да маленькая скорость! - развел руками Сергей. - Как его одного оставлять в пустом поезде?

- Давайте, его свяжем и скинем? - предложила Катя. Поперхнувшись, Николай с изумлением посмотрел на нее.

- Можно остаться всем и взорваться по-братски, - в полной тишине деловито продолжила Катя.

- Катя? - не выдержал Николай. Первым не удержался от смеха Музыкант. Почти сразу же к нему присоединились и остальные пассажиры. Постепенно смех перерос в гомерический хохот, который продолжался не так долго, но позволил снять накопившееся напряжение, вызванное весьма странными обстоятельствами такой, казалось бы, обыкновенной, поездки.

- Ладно, - сказал Серый, прикладывая салфетку к глазам. От смеха у него выступили слезы. - Уговорила, милая девушка. Прыгаем.

Дальше Ферт стал нудно объяснять, как нужно правильно прыгать. Спустя какое-то время пассажиры собрались в плацкартном вагоне у открытых окон. Николай с удовлетворением оглядел свой отряд и приступил к самому приятному для него моменту - единоличному руководству действиями подчиненного подразделения:

- Внимание, подходим ближе, сумки наготове. На счет три. Раз, два... Три! Все сбросили багаж?

- Я первая! - Катя сделала шаг к окну.

- Разбежалась. За мной, - Музыкант одной рукой оперся о раму, уверенным движением отстранив Катю в сторону, и спрыгнул перед ней. Она выбросилась следом.

– Прыгать по моей команде! – раздраженно крикнул Ферт. – Только по одному! Сергей! Раз...

* * *

Под заходящим красным солнцем, из движущегося серебристого вагона на изумрудно-шелковую траву холма, в низинах которого уже собирался ватный туман, и бриллиантами сверкала роса, вылетали решительные пассажиры.

Катя зачарованно смотрела, как прыгали остальные, Музыкант стоял рядом и крепко обнимал ее руками...

– Жалко, что нельзя было сделать это замедленно, – сказал Сергей, отряхивая брюки.

– Да, – согласилась Катя, – я даже во сне никогда не летала, а тут всего-то три секунды. Здорово получилось!

Последним приземлился Ферт.

– Отряд десантировался без повреждений? Багаж надо собрать, – оглядывая всех, скомандовал он.

Вдруг поезд остановился с сильным скрежетом колес, и Кате показалось, что он обиженно оглянулся назад.

– Смотрите! – смеясь, крикнула она. – Он ждет нас! Он без нас не поедет! Он без нас не хочет ехать! Он живой!

Путешественники обернулись. Поезд смирно стоял, доброжелательно раскрыв автоматические двери вагонов.

– Зря прыгали, – разочарованно сказал Музыкант. – Могли бы спокойно выйти!

– Ничего не зря! – Катя с Сергеем возразили почти одновременно.

– Ну, идите, еще попрыгайте, – кивнул в сторону состава Ферт, – если вам так уж понравилось.

Никто не знал, что дальше делать. С одной стороны, они сделали свой выбор – выпрыгнули... Казалось бы, дальнейший путь поезда мало должен их волновать. С другой стороны... Дверцы поезда открылись и закрылись, как будто, говоря: «Добро пожаловать!».

– Пошли обратно, чего уж там, – с некоторой долей сомнения в голосе предложил Королев. Но, как будто именно этого неаргументированного предложения и не хватало для принятия окончательного решения.

– Это глупо, – ответил Николай, втягивая голову в плечи. С неба опять начинало моросить.

– Теперь давайте меня проходить! – сказала Катя. – Пойдем в поезд. Он совсем не страшный.

– А зачем мы тогда выпрыгивали?! – потерял всякое терпение Николай. – Надо выбраться на дорогу и найти другой транспорт.

– Куда идти-то? – Катя вытянула руки в стороны и повернулась вокруг. Слева находилась бескрайняя степь, а справа – непроходимый лес...

– Ох! – воскликнула она, и первая побежала к поезду. Небольшой дождь за секунду превратился в сильнейший ливень. И, когда пассажиры оказались в поезде, они были до нитки промокшие.

– Ничего не забыли? – спросил Николай.

– Да вроде нет, – Ванин посмотрел по сторонам, убеждаясь в отсутствии оставленного. – Себя, если только.

Двери закрылись, и состав тронулся... вперед.

* * *

Поезд шел сквозь плотную стену дождя. За окнами ничего не было видно, кроме льющейся воды. Смеркалось. Переодевшись, пассажиры собрались в вагоне-ресторане, зажгли свет, и разложили принесенные съестные припасы. Не спеша поели, Серый допил початую бутылку водки. Постоянно прерывая трапезу хохотом, Петр и Сергей вспоминали недавний прыжок. Стало по-домашнему уютно.

– Я сбежал, – сказал Александр. – Сбежал от чувства вины. Мне надоело там находиться и ощущать себя вечным должником. Перед женой за то, что я малозарабатывающий бухгалтер. Перед дочерью за свою некрутость. Перед обществом, за свою немужественность. Перед собой за нерешительность. Перед миром за свою никчемность и желание простоты. Перед богом за неумение радоваться. Я признаю себя полным банкротом перед жизнью.

– А я, – весело подхватил Петр, не замечая горечи в словах Серого, – от того же! Я для них клоун. Старомодный весельчак. Меня не обвиняют. Меня презирают. Слегка... Я не могу измениться. Я добрый, смешной и люблю каждую секунду жизни. Вместо того, чтобы ее использовать в свою пользу... Я слишком несущественен для смысла мира.

– Странные вы! Такие взрослые и такие несчастные! – улыбнулся Ванин. Повернулся к Музыканту: – А вы от чего сбежали?

– Мы сбежали не от разочарования, – ответил тот. – Мы убежали в новое счастье...

– Мы просто поехали в отпуск, – оборвала слова Музыканта Катя, – а сам?

– Себя ищу. А ты, Николай? – Сергей повернулся к Ферту.

– По службе, – уклончиво ответил он и, доставая сигареты, поспешил выйти в тамбур.

– Тоже, наверное, счастье ищет, – предположил Ванин.

– Ага, рельсы к нему. Не все, Сереж, уходят именно за счастьем, кто-то покидает старый путь без тени надежд, просто потому, что дальше движение

невозможно. А обратного – нет. Тогда человек безразлично становится на любой попавшийся путь. Ему все равно. Он доживает, – допивая воду, сказала Катя.

– Что будем делать дальше? – спросил Королев.

– Второй вариант результата не принес. Остается первый вариант, – Музыкант пожал плечами. – Пойдемте в кабину машиниста!

...Ферт шел последним. Окружающими он обычно воспринимался командной фигурой, деревянным истуканом, лишенным чувств и способным только отдавать приказы или им подчиняться. На самом же деле, сердце Николая волновалось за малейшее несоответствие тому, что он считал правильным. Но об этом никогда никто бы не догадался. Лицо, голос, движения Ферта внешне были всегда невозмутимыми. У Николая все подчинялось определенному порядку. Законам войны или мира, но строгого режима...

Как только все шестеро прошли внутрь кабинки машиниста, включился монитор. Королев стал читать вопросы, остальные вразнобой советовались и спорили. В итоге совместный выбор был сделан: «Время – настоящее; местность – небольшой город, побережье моря; инфраструктура – отель».

Катя нажала последнее подтверждение. Меню мигнуло и... погасло. Поезд остановился.

– Ну вот... Опять выходить, что ли? – недоуменно воскликнул Сергей.

– Зачем же? – съязвил Музыкант. – Вы с Катериной можете выпрыгнуть из окна, раз вам такой выход больше понравился.

Катя обиженно вышла. Музыкант, смеясь, тотчас выскочил за ней следом.

«Граждане пассажиры! Вы прибыли на конечную станцию. Просьба освободить вагоны. Поезд дальше не идет», – на экране высветилось последнее сообщение.

– О! – воскликнул Сергей, показывая на окно. Пока все были заняты обсуждением ответов на вопросы меню, никто не заметил, что случилось. За окном, вместо привычного леса виднелись деревья, характерные для южной широты, вдалеке –

большие черные скалы и пологие цветущие холмы. Вдоль остановившегося поезда протянулась вымощенная красным камнем площадка. Пассажиры в растерянности вышли из вагона. На краю платформы стоял один единственный столб с раскачивающейся на ветру стандартной табличкой названия станции на английском языке: «Uncertainly».

Музыкант удивленно обернулся к Кате.

– Неизвестность, приехали, – невозмутимо ответила она.

– Приехать, приехали. Вот только куда именно, что-то не очень понятно, – пробормотал Музыкант.

– Ой... – прошептала Катя, глядя назад. Все обернулись и увидели, как поезд на их глазах начал стареть, ветшать, покрываться трещинами и ржавчиной, пока не превратился в развалину.

– Ничего себе! – выразил всеобщее недоумение Сергей, когда путешественники оторопело смотрели на груды металлолома, в которую превратился поезд.

Королев улыбнулся и оптимистически произнес:

– Вперед, друзья! Придется идти вперед!

– Потому как назад пути, вроде бы не предвидится, – раздался сзади унылый голос Серого. – Именно то, чего я, собственно, и хотел.

– А что тебе назад-то, – возразил ему Ванин, шедший рядом. – Ты же в Неизвестность ехал? Вот и приехал!

Пройдя по пологой дорожке, посыпанной красным гравием, они приблизились к каменному зданию, похожему на стандартный туристический отель. Входные двери были распахнуты. Путешественники вошли в большой полутемный квадратный холл. Слева виднелась стойка ресепшн, за которой, однако, никого не было. Посреди холла располагалось еще одно, но уже круглое небольшое помещение с надписью: «Altar (wishmaster)».

– А это еще что такое? – спросил Музыкант.

– Алтарь. Исполнитель желаний, – вздохнула Катя. – Всю жизнь сказки терпеть не могла, и вот на тебе... попала.

– Отлично! – потирая руки, воскликнул Королев, подошел к округлой стене и открыл дверь. В центр вела дорожка, выложенная светлой плиткой, заканчивающаяся у камня черного цвета, который отливал ярким синеватым сиянием. В камне на уровне плеч находились две овальные выемки по форме человеческих ладоней.

Королев оглянулся на попутчиков:

– Я пойду, посмотрю? – и, не услышав возражений, прошел внутрь. Музыкант взялся за ручку, но тут сверху, над дверью засветилась голубоватая полоска, и дверь не открылась. Музыкант вопросительно посмотрел на Катю. Та пожала плечами:

– По одному?

– Хм... Ну, ладно. Подождем.

В холле зажегся свет. Несколько минут спустя вышел Королев, держа в руке яблоко.

– Ну? – потребовала Катя.

– Я приблизился к камню и приложил ладони к впадинам. Пошла еле ощутимая вибрация. Как будто через них внутрь вливалась и выходила какая-то энергия. А дальше, хотите – верьте, хотите – нет... – медленно начал Петр.

– Рассказывай, не тяни! – заинтересовался Ванин и подошел поближе.

– Я спрашивал, и мне отвечали... Но это был не я! – таинственно продолжил Королев, под взглядами Николая и Кати, выражающими крайнее презрение к началу рассказа.

...«Где я?» – подумал я.

«В Неизвестности», – отозвалось эхом. – «Это место, в котором все создается по твоему желанию. В том случае, если они не будут вступать в противоречие с чьими-то еще желаниями».

«Хочу яблоко», – произнес я, и в руке появилось настоящее яблоко.

«Хочу золотой перстень с бриллиантом в четыре карата, – снова подумал я, но ничего не появилось. – Ну, и где же перстень?»

Голос помедлил несколько секунд: «Исчезновение яблока с ветки дерева в саду не противоречит ничьим интересам. Яблок и так много сгнивает, не дойдя до потребителя. Перстней же с бриллиантами в четыре карата всего тридцать две штуки. И исчезновение такого перстня нарушило бы желание его владельца. Поэтому твоё желание не исполнилось. Если бы перстень где-то валялся потерянный, то ты бы его получил».

«Вот как интересно, – подумал я. – А сколько желаний можно загадывать?».

«Пока не появятся подряд три неисполненных желания».

Я подумал о том, что желание с перстнем уже стало первым неисполненным, и сразу загадал заведомо исполнимое: «Включите свет в холле». Тепло и вибрация в ладонях прекратилась, и я понял, что нужно уходить...

– Что это за и-ди-о-тизм? – спросила Катя, растягивая слова.

– Ха! Ну, теперь мы все себе как позагадываем! Да, Саш? – Ванин обернулся к Серому.

Серый потер указательным пальцем нос в знак подтверждения и согласно кивнул.

– Не все так просто, – охладил их пыл Петр. – Желание одного не должно вступать в противоречие с желаниями другого. Поэтому во избежание непредвиденных осложнений, после каждого несбывшегося загадывайте по

яблоку, что ли... Значит, чтобы более менее сносно тут жить, придется искать компромиссы...

- Совсем как в жизни, - раздался сзади голос Музыканта.

- Да зачем тут жить? Давайте загадаем вернуться обратно и дело с концом! - предложил Ванин.

- А кто из вас уверен, что желание вернуться не нарушит условие выполнения? Проще говоря, все ли хотят нашего возвращения? Мы там никому за свою жизнь не помешали? - сказала Катя, и воцарилась обескураживающая тишина. - Дурдом полный. Идите кто-нибудь загадайте хоть шашлык. Есть охота.

- Я советовал бы не рисковать, - засмеялся Музыкант, - вдруг у свиньи есть непреодолимое желание жить?

- Может, по яблочку? - предложил Петр.

- Тогда я пойду, - вдруг заявила Катя и решительно двинулась к двери, дернув за ручку.

- Сейчас шашлык закажет, - предположил Ферт.

- Не, - задумчиво произнес Музыкант, - вряд ли. Еда ее мало волнует, как и полное ее отсутствие. И желания меняются быстрее ветра. Одно хочет, а другое уже делает... Поспорим, что не закажет она шашлык и вообще никакую еду не закажет?

- Почему это вдруг? - строго спросил Ферт, ему казалось логичным, что Катя, упомянув про голод, прошла к алтарю именно за едой.

Музыкант достал из кармана зажигалку и покрутил ее в руке. Потом взглянул на Ферта:

- Николай, вот смотри... Если зажигалка находится в руке, то она не обязательно даст пламя. Для этого нужно крутануть колесико, - Музыкант сделал движение большим пальцем, и появилось пламя. Он отпустил палец и пламя исчезло. - Но

можно ей открыть пиво, поцарапать стену, выкинуть или положить обратно в карман.

- И что? – спросил Ванин.

- Бред какой-то, – пожал плечами Ферт.

- Мы шли с Катей домой. Поднимаемся по лестнице. Она на ходу достает ключи. Подходим к двери. Она нагибается и острым концом ключа счищает прилипший кусочек смолы с каблука, затем, преспокойно убрав ключи в сумочку, разворачивается ко мне и нетерпеливо говорит: «Что ты стоишь, доставай ключи, открывай дверь!»

- При чем здесь это? – Ферт от удивления потерял свою агрессивность.

- Когда достают ключ перед запертой дверью – это одна реальность. Эта реальность приводит к выводу о целесообразности открыть дверь. Так думал я. Но в то же время, Катя существовала в другой реальности, в которой возникла приоритетная потребность использовать ключ в качестве совершенно другого, необходимого приспособления! А открывать дверь она и не собиралась. Для ее реальности было очевидно, что я достану ключи, – Музыкант улыбнулся, и стало неясно, пошутил он или сказал серьезно.

Ферт многозначительно покрутил пальцем у виска и отвернулся.

- Все-таки нам надо и, в самом деле, о еде подумать, – деловито предложил Петр, выбросив огрызок в урну.

- Предлагаю осмотреть территорию, – сказал Ферт, – мы еще не знаем, что тут есть. Может, это обычный отель, а алтарь – ради шутки?

- Да, – рассмеялся Ванин, – а наверху алтаря находится мешок яблок, и каждый раз оно падает в ответ на определенную голосовую комбинацию звуков.

Приоткрыв дверь, Катя выскользнула и встала рядом со всеми.

– Ну?! Что ты загадала?! – нетерпеливо подскочил к ней Сергей, и, видя, что в руках у нее ничего нет, разочарованно протянул: – Не сбылось?

– Яблоко надо! – тут же Петр приблизился к двери.

– Хватит уже яблок! – Серый преградил ему дорогу. – Дай мне!

– Подождите! – остановил их Ферт. – Катя, что ты попросила?

– Что попросила, то и попросила. Это мое дело. Не скажу, – помотала головой Катя.

– А как нам узнать, исполнилось твое желание или нет? – спросил Музыкант.

– Да, заказывать яблоко-то? – поддержал его Королев.

– Иди ты со своими яблоками! – Серый протиснулся ближе к двери, оттесняя Петра, чтобы пройти в нее первым.

– Катя? Исполнилось желание? – спросил Ванин.

– Не знаю, – сказала Катя, внимательно смотря в глаза Музыканту, светлые и бесконечные, как бездонное небо, как бескрайнее море... И тихо повторила: – Не знаю.

– Пойдемте, осмотрим территорию! Хватит в игрушки играть, как дети малые, честное слово, – Ферт махнул рукой в сторону стеклянных дверей. За ними, через холл виднелась веранда с мраморными перилами, поверхность которых ласково поблескивала на солнце.

– Один момент! – Серый мгновенно исчез за дверью алтаря и вышел, прижимая к себе двухлитровую бутылку виски. Торжественно добавил, глядя на этикетку: – Серега, ты ошибся! Мешок яблок скис до определенного градуса лет двенадцать назад.

Все весело расхохотались. По настоянию Ферта было решено прогуляться по территории отеля. Не торопясь, они цепочкой прошли через холл и оказались во

внутреннем дворе, медленно разбредаясь в разные стороны и рассматривая окрестности.

Отель оказался небольшим. Двухэтажное здание в форме подковы. Внутри двора располагались несколько бассейнов, возле которых сиротливо стояли лежаки. Небольшие деревья, аккуратные газоны, расчерченные каменными дорожками, красивые цветники с решетчатыми загородками, низкие фонарики тут и там, словно грибы...

Вот только людей, кроме них, нигде не было видно. Номера, двери которых выходили прямо во двор, были полностью укомплектованы всем необходимым и готовы к проживанию. В шкафах лежали запасные комплекты полотенец и постельного белья.

– Такое ощущение, что нас ждали, – заглянула Катя в самый дальний номер, имевшего двери с двух сторон здания. Одна дверь выходила во внутренний двор, как у всех номеров, а вторая, напротив, выходила на балкон с калиткой, с которого можно было, пройдя метров триста через небольшую аллею, затем по белому песку дойти до самого моря. – Мы с Музыкантом здесь остановимся, если никто не против!

– Ждали, ждали и заждались, – пробормотал Ванин, удаляясь в сторону холла.

– Так ждали, что сами пропали.

– Я здесь! – около дерева вдруг запрыгал двухметровый заяц, большой живот которого забавно заколыхался в такт болтающимся до колен ушам.

– Петр! – Николай строго осадил его. – Вы совсем с ума сошли?

– А что, собственно, случилось? – из боковой двери застенчиво выглянуло желтое метровое тряпичное солнце на человеческих ногах. Два луча его бережно держали початую бутылку виски.

– Безобразии!!! Александр! Петр! – голос Ферта утонул во всеобщем хохоте. – Александр, мало того, что вы в поезде споили Сергея, теперь к Петру привязались!

– Я намерен всех тут согреть, – невозмутимо заявило солнце, заваливаясь на свободный лежак и расправляя лучи.

– Себя уже подогрел, – сказал Музыкант, присаживаясь на соседний лежак. – Да и зайчика поджарил.

– Не работает ваш алтарь, – вернулся Ванин, – собаку попросил. Не упала.

– Зачем она тебе? Шерсть и слюни. И по газону босиком потом не пройдешь, – подошла Катя, обняв за шею Музыканта.

– Значит так! Послушайте меня... – Ферт подошел к бассейну, присел на корточки, зачерпнув пригоршню воды, плеснул себе в лицо.

– Послушайте, послушайте, – дразнясь, закачались лучи «солнца», – а я за горизонт закачусь, пожалуй. У меня свое командование.

Серый направился в сторону холла.

– Я буду жить в той комнате, – заяц радостно махнул головой на боковую дверь. – Там полно аниматорских костюмов, я вам такое шоу отгрохаю!!!

– Да вы что? – Ферт в недоумении оглядел компанию. – Мы находимся неизвестно где!!! А вы выбираете спокойно комнаты, как будто приехали отдохнуть!

– А ты будешь что-нибудь себе загадывать? – Катя весело смотрела на Музыканта.

– Не, мне и так хорошо. Солнце уже ушло, можно и на ночь устраиваться, – улыбнулся он Кате, – да?

– Солнце вернулось, – Серый стоял слева от холла, – я нашел столовую. Яблоки не нужны. Тут полно еды! Прошу к столу!

– Кажется, кто-то потерял свое дождевое облако, – опять засмеялась Катя.

– Я не потерял, я разлил его по бокалам. Надо отметить новоселье. И такую гостеприимную Неизвестность!

– Пойдемте, – согласился Ферт, – там и обсудим детали. Петр, сними сейчас же свой костюм. Надо посерьезнее отнестись к делу.

– Есть, командир! – Петр вытянулся и большой заячьей лапой хотел отдать честь, но не рассчитал удара. Мягкая голова упала на ступеньки, ведущие к бассейну, и, перекатываясь, стала смешно пятиться к воде.

– Товарищи, – устало произнес Ферт, успев наступить на длинные матерчатые уши, – товарищи, не теряйте головы.

– Что ты загадала? – Музыкант шепотом спросил у Кати.

– Тебя, – доверительно ответила ему, словно самый важный секрет, и, помедлив секунду, твердо сказала: – Люблю.

* * *

Сдвинув несколько маленьких столов вместе, Музыкант и Сергей расставили стулья и зажгли свет. Александр с Катей принесли тарелки с едой, которую обнаружили в больших холодильниках. Петр недоумевал по поводу полного отсутствия людей. Николай молчал.

За ужином дружно пили виски и рассказывали про себя. Королев с восторгом обнаружил сидящего рядом автора своих любимых песен. Правда, сам автор с трудом боролся с одолевающим его сном. Музыкант приспособил локоть на столе, и пытался опереть на ладонь подбородок, чтобы голова держалась, а глаза могли незаметно для окружающих закрыться.

Ванин объяснял, как трудно, ему, молодому инженеру, получить хорошее место в жизни. Катя поддержала его, и они углубились в тему безвозвратно сгнувшегося советского прошлого, где после образования была возможность получить рабочее место и жилье. Серый, нашедший на кухне целый бар со всевозможными напитками, с удовольствием открыл новую бутылку виски и удивлялся тому, что Катю с Сергеем не устраивает отсутствие того, что не

принесло самому Александру абсолютно никакого счастья.

...Ферт вышел из столовой. Он открыл стеклянную дверь, выходящую в сторону моря, и остановился возле небольшой беседки, увитой экзотическим плющом с ярко-красными цветами. Несмотря на то, что Николай достаточно плотно перекусил, расслабление, обычно сопутствующее сытной трапезе, никак не приходило...

Не нравилось все это Ферту. Николай был очень конкретный человек. Он терпеть не мог любой двусмысленности, недомолвок, необязательности и прочих вещей, которые делали дальнейшее развитие событий неопределенным.

Такой склад характера был не только результатом службы. С самого детства Николай тяготел к порядку. Еще, будучи маленьким мальчиком, он весьма осторожно обещал что-либо, а если уж обещал, то делал все возможное и невозможное, чтобы свое обещание выполнить. Для него следование установленному порядку было не приобретенным, а врожденным. Генетическим.

Как это ни парадоксально, но сама поездка Ферта в Неизвестность была обусловлена именно этими его качествами. В последние годы он испытывал достаточно сильный дискомфорт из-за того, что все его мировоззрение, ранее подтверждаемое его жизненным опытом, стало рушиться. Сначала незаметно, потом все сильнее и сильнее.

Перестройка, развал Советского Союза, построение капитализма, олигархи, бандиты, которых не сажали в тюрьму, а стали считать уважаемыми людьми... Много было всего, что опровергало представления Ферта о справедливости и правильном построении общества.

Случайно увидев название станции: «Неизвестность», Николай, не задумываясь, решил туда поехать. Для того, чтобы «окунуться» в самую неизвестность, выплыв из которой, все прочие неопределенности могли бы казаться ему уже вполне приемлемыми. Аналогично закаливанию организма, Ферт решил натренировать себя неизвестностью, чтобы при дальнейших соприкосновениях со становящейся все более неприятной для него реальностью, не реагировать на нее так болезненно.

Вернее, не решил. Ферт не решал ничего подобного. Такие мысли не могли быть рождены его рациональным умом. Видимо, не только разум определяет действия человека. В общем, зачем он поехал в Неизвестность, Николай не смог бы толком объяснить даже самому себе.

С того самого дня, на небольшой станции, откуда идут поезда в Неизвестность, определенность и незыблемость мира стала расшатываться все сильнее и сильнее, словно молочный зуб, который выпадением своим освобождает место для другого.

«Музыкант – само воплощение неопределенности. Здоровый, сильный, вполне разумный мужик, но вдруг какой-то неправильный. Без жизненного принципа. Без твердого основания. Без забот. Без проблем. Как будто сошел с неба.

Его Катя... С виду полная противоположность Музыканту. Практичная, деловитая, смышленная, рассудительная... Но при более близком знакомстве оказывается, что не он спрыгнул с облаков, а она там живет, разгуливая по небесам, и ненадолго опускаясь вниз. Да и то, только для того, чтобы на полпути встретиться с Музыкантом.

Королев... излишне добродушный и нарочито веселый. Впавший в детство, и стремящийся утянуть туда всех окружающих.

Серый – алкаш, это понятно. Нет, не понятно. Как умный человек так может спокойно и не без удовольствия деградировать? Неужели нельзя занять голову делом, если она так уж сильно болит?

Ванин, на первый взгляд – адекватный. Но не совсем все-таки, если вспомнить распитие спиртного и битье бутылок... Хотя, может быть, он еще полностью не раскрылся в своей неадекватности? Или еще слишком молод? Вообще-то, положив руку на сердце, Сергей Ферту понравился. Но чем именно понравился, он бы и сам при всем желании не смог себе сказать.

Да... компания попалась веселая. Эх, как было бы хорошо, если бы все было по уставу! Где все понятно. Понятно, кто начальник, а кто подчиненный. Кто союзник, кто противник... – Ферт выкинул окурочек в урну. – Жизнь не всегда соответствует уставу. Как показала практика, далеко не всегда. Ну что ж... придется принаравливать к этой внеуставной жизни и, по возможности,

вносить в нее упорядоченность и определенность».

Николай обошел отель, сходил к морю, осмотрел окрестности, пока все были в столовой. Никакой опасности. Обычный отель. Заурядное небо. Обыкновенное море.

Быстро стемнело, и Ферт вернулся...

* * *

Музыкант проснулся рано. Ровно в шесть утра. Вернее не то, чтобы так уж сам проснулся. Он упал. Упал с кровати, когда переворачивался с левого бока на правый. Катя придвинула его к самому краю, разметавшись во сне почти перпендикулярно. Музыкант сел, потряс головой и посмотрел на нее, дотянулся, легко коснулся губами ее переносицы. Катя нахмурила во сне брови, затем улыбнулась, но не проснулась. Это было несколько необычно. Как правило, она спала очень мало. Катя поздно ложилась и рано вставала. Но сейчас сон охранял ее, закрыв от мира крепкими объятиями.

– Поспи, маленькая, – Музыкант прошел в ванную и, быстро умывшись, вышел на улицу, через балконную террасу.

Нужно было обдумать произошедшие события, которые утром на миг показались нелепой выдумкой воображения. Но это произошло на самом деле. По вине ли Кати, купившей билеты совсем не туда, куда планировали они до отъезда, или по чьей-то высшей воле. Это уже не имело значения.

Утро было прекрасным. Солнце, пронизывающее легкие перистые облака, тяжелые листья больших деревьев, чем-то напоминающих одновременно и каштаны и пальмы, пение птиц и волшебный запах моря...

«Хорошо-то как! – Музыкант направился в сторону скал, видневшихся в стороне. – Прежде чем что-то решить, надо посмотреть, куда это нас занесло... В любом случае у нас есть несколько недель, чтобы спокойно понять, что происходит».

Дорожка аллеи была выложена небольшими красными камнями, по обе стороны от нее росли колючие кусты с круглыми белыми цветами, выглядывающими из зеленой гущи. Минут через десять он подошел к пустырю, за которым стояли черные горы. Они были не просто большими, а неправдоподобно огромными, как прочные стены, и напоминали искусственные сооружения, построенные, чтобы оградить территорию.

Музыкант поднял голову. Забраться на такие скалы было практически невозможно. Наверное, альпинист с необходимым снаряжением и мог бы это сделать, но Музыкант им не был. Хотя оснастку можно было бы где-нибудь раздобыть, но маловероятно, что так же легко удастся получить нужные навыки скалолаза. Он пошел вдоль отвесных склонов, желая проверить, нет ли где ущелья или тропинки, по которым можно было бы попытаться пройти дальше. Но нет. Скалы стояли неприступно, не давая никакого намека на то, каким образом можно было бы их преодолеть. В одном месте, правда, Музыканту показалось, что есть нечто вроде пещеры или туннеля, но присмотревшись, он понял, что ошибся. Это был остаток засохшего селевого потока, который, видимо, по весне сходил с гор.

Музыкант обошел отель по периметру. С одной стороны внешняя территория отеля выходила на морское побережье. Там же находился железнодорожный тупик с развалинами поезда. Слева, если стоять спиной к морю, виднелся небольшой городок, а все остальное было невидимо взору из-за высоких скалистых преград. Создавалось некоторое впечатление песочницы... не то, чтобы песочницы, как таковой, а скорее безопасного места, специально выделенного и огороженного для того, чтобы могли поиграть... дети. «Нужно пойти в город и попытаться выяснить, где это мы оказались», – решил Музыкант и направился в отель за Николаем. Ферт был единственным, кому Музыкант доверял, как наиболее здравомыслящему из всей компании, хотя, при этом, не испытывал к нему никакой симпатии. Остальных, как показалось Музыканту вчера за ужином, совершенно не заботило ни место пребывания, ни время...

Ему понравилась конкретность Ферта, упертость и категоричность. Музыкант в отдельных случаях и сам становился таким же. Разница между ними состояла лишь в том, что Музыкант таким был эпизодически, по мере необходимости, а Ферт таким был всегда.

«И вечный бой, покой нам только снится – это выражение подходит к характеру Ферта, – подумал Музыкант, увидев Николая, – но бой должен завершаться

победой, хотя и поражения нельзя исключать. При этом целью боя всегда должна быть именно победа, а не следующий бой. Именно вечность боя делает это выражение абсурдным...»

Николай курил у входа в отель. Музыкант подошел и без приветствия изложил суть дела.

- Пойдем, - сказал Николай, - сейчас я соберусь.

- Пять минут. Я подойду, - Музыкант быстрым шагом повернул к своему номеру.

- Где ты был? - тревожно прозвучал требовательный вопрос Кати, как только он открыл дверь.

- Окунулся в бассейне. Ты же просила не будить тебя! - не задумываясь, ответил Музыкант, прекрасно знающий, что в аналогичных случаях наилучшей защитой будет быстрое и неожиданное нападение.

- Когда это я такое просила? - нахмурилась Катя, пытаюсь вспомнить.

- Во сне, - невозмутимо соврал Музыкант, но сказал это так твердо, что сомневаться Кате было бы просто неприлично. - Катюш, мы с Фертом пока насчет завтрака подумаем и осмотрим отель, ты поваляйся еще?

- А ты куда?

- С Фертом прогуляюсь вокруг отеля, я же сказал. Семь часов еще. Ты закрой глаза и еще поспи, я скоро буду, - Музыкант знал, что если упомянуть про идею пойти в город, никакая сила не остановит Катю пойти с ним. Но при всех случившихся событиях за эти дни, это могло быть небезопасно.

- Я ноутбук включу, посмотрю, все ли в порядке после вчерашнего прыжка, - согласилась Катя.

Музыкант облегченно вздохнул. Если она доберется до компьютера, то вряд ли заметит и конец света, а значит, в запасе будет время.

Катя включила воду в ванной, вышла, повисла на нем, обхватив шею руками:

- Только недолго и недалеко. Я еще кофе поплюю или виски вчерашнее?

- Кофе!!! - Музыкант опустил ее на пол и вышел.

Ферт сосредоточенно смотрел на дорожку, выложенную красным камнем. Вдалеке открывался вид на город. Город... Неожиданно Николай почувствовал, что неопределенность, постоянно накапливающаяся с самого начала этой поездки в Неизвестность, стала понемногу уменьшаться.

Подошел Музыкант, и они направились вперед.

* * *

Как только за Музыкантом закрылась дверь, Катя натянула на себя брюки и рубашку. Затем, застегивая на ходу пуговицы, выключила воду в ванной и вышла.

Остановившись у дверей соседнего номера, нажала медленно на ручку и заглянула в комнату. Сергей крепко спал. Катя быстро подошла к Ванину. Наклонилась, тряся его за плечо:

- Сергей, вставай! Мне помощь нужна. Они куда-то пошли! - Ванин с трудом открыл глаза. Катя бросила ему со стула шорты: - Вставай, они уйдут. Пойдем! Пойдем, скорее!

Сергей молча оделся и пошел за встревоженной Катей.

- Они что-то задумали! - Катя торопилась к выходу из отеля. - Он мне сказал, что поговорить и возле отеля посмотреть, но я чувствую, что они с Фертом куда-то не просто так направились.

- Сейчас догоним. погоди, не торопись, а то увидят. Не шуми, - Ванин, наконец, проснулся, - вон они. Пойдем ближе к деревьям...

Город открылся небольшими домиками, покрытыми остроконечными черепичными крышами. Неширокие улицы таились под густыми кронами деревьев. Музыкант с Фертом спустились вниз и вышли к маленькому кафе на краю города.

Сергей и Катя крались за ними, стараясь оставаться незамеченными.

– Николай, – нарочито громко произнес Музыкант, и остановился. – Вот что делать с этим детским садом?

Ферт обернулся. В двадцати метрах поодаль, виновато опустив глаза, стояли Сергей и Катерина.

– В угол поставить! – буркнул Николай.

– А нечего втихаря уходить! – повысила голос Катя.

– Катя, если нам было нужно уйти, то мы и ушли. Значит, мы так решили, а вы устраиваете тут игру в казаки-разбойники. Где порядок, я спрашиваю тебя? Если вдруг возникла бы опасность, ты смогла бы себя защитить? Или он? – произнес Ферт, показав жестом на худощавого Сергея. – Мы в незнакомом городе! В чужом отеле. И вы оба только развлекаетесь, где разумность? Чтоб оба шли смирно и молчали!

Катя прижалась к Музыканту. Сергей даже не обиделся, с любопытством разглядывая вывеску кафе.

– Может, кофейку попьем? – предложил Музыкант. – Заодно что-нибудь узнаем.

– Да, пожалуй, – согласился Ферт. Вчетвером, они вошли в небольшой зал с маленькими столиками, накрытыми белыми скатертями.

За барной стойкой стоял смуглый паренек, который при их приближении белозубо улыбнулся и приветственно помахал рукой.

– Привет! – кивнул ему Музыкант, присаживаясь на высокий стул. – Как тут у вас насчет кофе?

Бармен удивленно посмотрел на Музыканта и начал что-то быстро говорить то ли на испанском, то ли на португальском языке.

– Впрочем, что и следовало ожидать, – усмехнулся Музыкант и повернулся к Кате. – Ваше слово, товарищ маузер.

– Эх! Когда же ты повзрослеешь, – вздохнула она и, обращаясь к бармену, заговорила с ним по-английски...

Катя посмотрела на Музыканта:

– Господин Тэтэ, а у вас есть доллары или евро, дабы оплатить утренний завтрак?

Музыкант полез в задний карман джинсов за бумажником.

– Нет! Нет! – вероятно, бармен понял, о чем спросила Катерина, или правильно истолковал движение Музыканта. – Гости не платят!

Бармен принес кофе, который был сварен в большой старинной кофе-машине. Бодрящий напиток был отличным, немного отдающий горчинкой, которая нисколько не портила вкус, а наоборот, делала его экзотическим и приятным...

– По информации, полученной от бармена, дело обстоит следующим образом, – стала переводить Катя. – Город называется «For you» – «Для тебя», если по-русски. Но город также имеет и аналогичные названия на других языках: «Como quieres», это на испанском... на португальском – «Ate voce», на итальянском – «Fino a Lei», на французском «Comme tu veux».

– Комета, – улыбнулся Музыкант, – пусть по-французски будет! Боюсь спросить, в какой мы стране.

Катя перевела. Бармен замялся и скомкано ответил:

– Вроде Испания..., а может Франция..., или Португалия...

- Оригинально, - поперхнулся Ферт.

- И как патриотично! - покачал головой Музыкант, в принципе, несколько не удивившись. Ему самому было абсолютно все равно, к какому государству мог принадлежать тот или иной город, лишь бы в нем было комфортно проживать.

- Михаил, не надо язвить. Не знать своей страны, не знать истории - это позорно!

- Да бросьте, Николай! Он не знает власти, а значит, она не доставляет ему никаких забот. Мы вот, к примеру, знаем историю, а живем все равно позорно, если рассматривать в целом. Это не показатель.

- Мы приехали на поезде, - стала подбирать английские слова Катя.

- Нет, нет - это невозможно, - категорично развел руками бармен. На этот раз перевод не потребовался. Его жест поняли все.

- Почему это? - возразил Сергей.

- Мы находимся на острове, сюда поезда не ходят, - в полной тишине перевела Катя.

Бармен снова белоснежно улыбнулся и, оживленно жестикулируя, начал объяснять.

Как смогла понять Катя, город и отель находятся на большом острове. Горожане считают отель волшебным местом, в котором периодически появляются какие-то люди - гости. Жители следят там за порядком, убирают территорию, готовят, если требуется, еду. Они очень трепетно относятся к гостям. Иногда к причалу приходят корабли, где местные жители покупают вещи и продают то, что удастся добыть в море, и растущие здесь в изобилии фрукты. Среди них есть один особенный, наиболее востребованный плод, который нигде, кроме как на этом острове, не растет. Он называется «engine». Этот фрукт наподобие больших яиц с вкусной вязкой жидкостью, которая дает очень много силы, энергии и хорошего настроения. Чем больше гостей бывает на острове, тем больше этих плодов созревает.

– Так что, если вы приехали, – в завершении сказал бармен. – Я сообщу всем. Добро пожало...

– Катя, скажи ему еще раз, что мы действительно приехали на поезде. Мы приехали из России, – в полном недоумении повторил опять Ферт.

Бармен рассмеялся, когда Катя сказала ему, что они приехали на поезде из Европы. Она не стала уточнять, что из России, справедливо предполагая, что название страны ему ни о чем не скажет.

– Так ведь Европы нет! Вы еще скажите, что из Атлантиды приехали! – медленно перевела Катя.

– Пойдем-ка, выйдем, Михаил... – вставая из-за стола, кивнул Ферт в сторону выхода. Сергей с аппетитом уплетал горячие булочки, ничуть не расстроившись вновь открывшимися фактами. Катя задумчиво мешала ложкой сахар в пустой чашке.

– Как выбираться будем? – задал вопрос Николай Музыканту, когда, выйдя на улицу, они закурили.

– Так три варианта-то. Перепрыгнуть через скалы или попроситься на корабль, – прикинул Музыкант.

– А третий?

– Не выбираться вовсе.

Николай с раздражением выкинул сигарету и окликнул ребят. Сергей встал, добродушно пожал руку бармену. Музыкант, спохватившись оставленного на столе бумажника, вернулся к столу. Поцеловав Катю, прошептал:

– Спроси у него, как уезжают люди, которых он называет гостями? Катя подошла к бармену и задала вопрос.

– Ну? – Музыкант ждал ответа.

– Что «ну»?

– Как они уезжают?

– Они не уезжают, – помотала головой Катя, – они исчезают так же, как и появляются.

* * *

В отеле Ферт увидел пришедших местных. Они были доброжелательны, улыбки и несуетливы. Пахло свежеприготовленным мясом и овощами. Дорожки были чисто выметены, газоны политы водой, в номерах появились чистые комплекты постельных и туалетных принадлежностей, лежаки возле бассейна аккуратно расставлены и заботливо накрыты полотенцами.

Собрались в столовой, где Музыкант рассказал о том, что им удалось узнать в городе. Серый с удовольствием подкреплялся изрядной порцией виски и был в прекрасном расположении духа. Ванин задумчиво поглощал какой-то салат, не замечая, что съедает уже третью порцию. Королев просто ел, стараясь никому не мешать.

Царящая атмосфера была весьма эмоциональной. Однако, эмоции не выплескивались наружу, а скапливались внутри. Никто не предлагал никаких решений, не рассуждал, не строил догадок. Все были заняты своими мыслями.

– За успех нашего безнадежного предприятия! – весело поднял бокал Серый, резюмируя возникшую ситуацию.

– Я прогуляюсь в город, – Петр никогда не считал никакое «предприятие» безнадежным. Ему не терпелось своими глазами посмотреть на цивилизацию или отсутствие таковой. Королев торопливо доел и вышел на улицу.

Петр был крайне общительным человеком. Очень любил детей. Отель угнетал его безлюдной тишиной и замкнутостью пространства. Едва Петр прошел через ворота, как впереди стал виден утопающий в зелени городок. Тягостное ощущение, возникшее у Королева за завтраком, тут же исчезло, уступив место обычному, приподнятому настроению. Как будто он вынырнул из глубины и

вдохнул свежего воздуха.

* * *

Услышав Катин крик во дворе, Музыкант бросился из столовой.

Катя сидела возле дверей открытого номера на корточках. Возле ее ног лежал маленький щенок немецкой овчарки. Собака была полуживой, передняя лапа и живот кровоточили.

– Я иду, – стала объяснять Катя, – а он падает сверху, прямо передо мной, точно кто-то его бросил с неба, или он скатился с крыши!

Ванин склонился над щенком, рассматривая его.

– Что теперь делать? – забеспокоился Сергей.

– В город надо, в ветлечебницу, – Музыкант присел рядом, – неизвестно, что с ним.

– Ему недели три, – сказал Ванин, – откуда же он тут?

– С алтаря, вестимо, – ответила Катя, – не ты ли вчера заказывал собаку? Только вот нюансы места и времени, а также небольшие подробности исполнения повелитель желаний взял на себя.

– Да ну... Нет! – Сергей не отрывал взгляд от несчастного щенка, который подрагивал хвостом. – Так разве можно исполнять желания?

Катя попробовала приподнять щенка, но голова его не держалась.

– Шея перебита или позвоночник сломан.

– Не трогай! – оттолкнул Сергей Катины руки. – Я его сейчас положу на что-нибудь и отнесу в город! Отойдите!

Серый вернулся из столовой с чашкой молока.

- Давайте его покормим?

Ванин медленно нагнул чашку на морду щенка, которую чуть приподнял на ладони, но щенок не сделал никаких движений.

- Ты полей ему, чтобы в рот попало, - предложила Катя. - Или пальцы намочи, может, оближет?

Но щенок только обводил всех мутным взглядом и никак не реагировал на молоко.

- Сергей, клади его, - Музыкант подтащил картонку и полотенце, - пошли в город. Может, найдем там понимающего в этом деле... Врача, что ли.

- Королев, вроде, у нас смыслит в животных, - поднимаясь с колен, сказала Катя, - ой, аккуратнее, у него кровь идет из живота!

- Петр в город ушел, - ответил Сергей, перекладывая щенка, который застонал почти по-человечески. - Не будем его ждать. Катя, пойдем с нами! А то мы с Музыкантом и сказать ничего не сможем.

* * *

Пройдя несколько кварталов, Королев присел на причудливую скамейку с изогнутой спинкой, сплетенной из веток. Перед ним находилась небольшая песчаная площадка, на которой играли дети. Они, увидев Петра, нисколько не смутились, а радостно заулыбались и подбежали к нему, протягивая большую деревянную рыбу, со сломанным плавником. Самый маленький парнишка забрался ему на колени. Королев повертел в руках рыбу.

- Ничего сложного. Нужно всего лишь зафиксировать на деревянном валу болтающийся плавник. Сейчас починим, - Королев посмотрел по сторонам и, найдя подходящую тонкую веточку прямо под ногами, отломил от нее кусочек и закрепил плавник. Для верности стукнув два раза получившимся штифтом по краю лавки, он загнал отломанный кусочек ветки полностью в паз и протянул

рыбу пареньку. – Ну, вот и готово!

Мальчишка схватил игрушку и, держа ее над головой, побежал, подпрыгивая и радостно что-то крича. Девтора с восторгом смотрела на Петра, разговаривая с ним на своем языке. Королев лишь улыбался им и кивал в ответ.

Вскоре парнишка вернулся, таща за собой сломанную деревянную игрушечную тачку. Петр починил и ее.

– Петр! – окликнул его Музыкант. – Иди сюда, у нас беда!

Петр поспешно подошел. «Беда», лежавшая на руках Сергея, уже закрыла глаза и судорожно вздрагивала, время от времени приоткрывая рот.

– Ты же ветеринар, посмотри, – Ванин опустил щенка на землю, полотенце под ним уже стало багровым.

– Да это когда было-то, что я сейчас сделаю, брюхо ему разрежу? Эх, ты... Бедолага, как же ты так, а? Эх, ну как же так-то... – бормотал Королев, бережно ощупывая маленькое серое тельце. Пальцами приподнял и опустил веки щенка. – Ключица сломана, шея тоже, лапа вывихнута. Головой ударился, смотри, взгляд не фокусируется.

– Ну, давай, делай что-нибудь! – не выдержала Катя.

– Мы ходили, искали врача, но у них нет ветеринаров, – сказал Музыкант, – а человеческий врач был один, да и тот помер, с год назад.

– Как же они лечат животных? – растерянно произнес Королев.

– Да никак, – ответила Катя, – просто дают им умереть. Они не сторонники выхаживания слабых. У них естественный отбор. Я и не заметила у них в этой деревне животных. Попередохли, наверное.

– А люди? Заболеют, если?

- Тоже, наверное, по этому же принципу. Они сказали, что у них никто не болеет. Смутные, они люди. Жрут какие-то фрукты от всех бед, - пожала плечами Катя.

- А лекарства? Есть лекарства-то хоть какие-нибудь?

- Нет, они даже не знают такого слова.

- Пошли назад, что поделаешь, резать без наркоза я не буду, шины поставлю. Ждать будем.

- Смерти? - уточнила Катя. - Давай ему плодов дадим, вдруг поможет?

- Катя, замолчи! - Сергей помедлил. - Он выживет. Он будет здоров.

- Ну, где это видано, собак фруктами кормить? Ему все равно сейчас не еда нужна, - развел руками Петр.

- Королев, помоги ему. Ну, сделай что-нибудь, пожалуйста, - проговорил Ванин.

- Да что ты молишься на меня, словно на бога? - Королев был очень огорчен тем, что помочь не в силах.

- Пойдемте, - сказал Музыкант, беря щенка у Ванина.

Вечер настал в тревоге и беспокойстве. Все ходили вокруг щенка, которого Ванин не спускал с рук. Щенок то впадал в забытие, то открывал глаза, в которых была смиренная обреченность и дикая боль. Изредка он начинал издавать какие-то звуки, словно просил прекратить его страдания.

Королев сделал все, что мог. Наружные раны промазал и перевязал. Кости зафиксировал твердым картоном и плотно перебинтовал.

Щенок, балансирующий на грани жизни и смерти, заставил задуматься всех. О том, что две противоположные стороны бытия могут неожиданно сомкнуться. В чьих руках находится эта жилка, заставляющая биться сердце человека... собаки... и любого другого живого существа?

Королев ходил из угла в угол. Музыкант сидел у бассейна, Катя полулежала, положив голову ему на колени, и смотрела на воду. Музыкант легонько ее покачивал, обняв рукой. Время от времени они вставали и подходили к щенку. Ферт больше курил.

Никто не понимал, откуда взялся щенок. Собак на острове не было ни одной. И местные не смогли объяснить. О предположении Кати, что это исполнилось вчерашнее желание Сергея – получить собаку, старались не думать. Только потому, что мысли в этом направлении ни к чему не приводили и казались неправдоподобными. И не совсем приятными.

Умирующий щенок на фоне прекрасного южного вечера воспринимался неестественно и чудовищно. Не менее жутко выглядел Ванин, который чуть не плакал от безысходности и жалости к щенку. Он, как оказалось, был заядлый собаковод. По случайности ли щенок, вдобавок ко всему, был самой любимой его породы – немецкой овчарки...

Стемнело. Зажглись уютные фонари, мягко освещая дорожки желтым светом. Окна столовой и веранды подкрашивали траву оранжевым оттенком. На небе появлялись звезды. Обычный вечер, который неизменно сменит утро. Только смятение, боль и горечь за маленькое существо примешались сегодня и сделали ночь тяжелой.

* * *

Серый ушел к морю, взяв с собой бутылку, давно ставшей ему неизменной спутницей в радости и в печали.

Нельзя сказать, что Александру нравилось пить. По вкусовым качествам алкоголь его вовсе не устраивал. Но то, как спиртные напитки влияли на его мироощущение, Серому пришлось по душе. Александр получал удовольствие не от процесса, а от результата... Поэтому отсутствие или присутствие компании никак не влияло на его решение выпить.

Не нравилось Серому жить, особенно в трезвом состоянии. Но и завершить жизнь самостоятельно у него духа не хватало. К тому же совестно было бы перед теми, кто остался бы «на этой стороне».

Вот и «маялся» Александр все время, пока вынужден был сохранять трезвость. На работе. За рулем. Да и дома в постоянном опьянении тоже находиться было нельзя. Периодически можно, конечно, по праздникам или семейным торжествам. А вот постоянно не удавалось.

Любые обыденные проблемы раздражали Серого. Он не понимал, почему человек должен всегда и всего добиваться. Ему хотелось не трудностей и забот в жизни, а плавности и простоты бытия. Но легко жить не получалось. Вот и нервничал Серый. Практически из-за всего. И боялся. С вечной тревогой на душе он просыпался и засыпал... если не был пьяным.

Как и большинство людей, Александр имел самое необходимое и даже излишек этого самого необходимого. Но для того, чтобы существовать, ему приходилось работать, выполнять различные бытовые обязанности... Это было не так уж и тяжело, но... Серый считал, что «игра не стоит свеч». Он не был лентяем, в классическом понимании этого слова. Его раздражала бессмысленность существования и то, что для этого бессмысленного существования необходимо что-то делать.

В результате же принятия спиртных напитков раздражение уменьшалось. В определенный момент оно пропадало полностью, и появлялась эйфория, создающая настроение, что все не так уж и плохо, а может быть, даже и совсем хорошо.

Однако, каждое действие рождает противодействие. И когда эта эйфория пропадала, то наступала расплата в виде похмелья, когда осознание бессмысленности существования усиливалось и многократно усугублялось страданиями физического и психологического характера.

Серый поехал в Неизвестность не столько потому, что так уж хотел оказаться в неизвестности, а потому, что он очень не хотел оставаться в «известности».

Не устраивала его реальность, а изменить ее или сделать приемлемой, он не мог. Если Ферта реальность не устраивала по причине того, что она не была правильной, по его мнению, то Серого реальность не устраивала вообще.

Понравилось Александру название станции, вот он и решил туда отправиться. И в отличие от Ферта, Серый именно решил поехать в Неизвестность. Никакое

подсознание тут на него не действовало. Или действовало, но скрытно, как, собственно, оно всегда это и делает. Молча. Без объявления войны.

Можно было бы поехать и куда-нибудь еще. Разницы особой не было. Да и какая разница может быть для того, у кого единственным желанием было желание уйти от реальности?

* * *

К рассвету щенка не стало. Ванин и Музыкант ушли к скалам, вырыли небольшую яму. Положили туда забинтованного щенка. Сергей опустился на землю и закрыл лицо руками.

– Серж, ну не расстраивайся так, ничего не поделаешь уже, – тронул его за плечо Музыкант.

– Катя права. Это алтарь, – шепотом сказал Сергей. – Ты знаешь, я больше никогда ничего просить не буду. Никогда. К черту такие желания! Ведь так и в жизни получается. Захочется чего-нибудь, а иной раз так проявится, что думаешь – лучше бы никак не было, чем так, как получилось...

Глава 2

* * *

Александр сидел под деревом. Он медленно поднял бутылку и посмотрел сквозь стекло на занимающийся рассвет. Помянув щенка большими последними глотками, не особо при этом, огорчившись, Серый дождался, когда Музыкант с Ваниним не спеша удалились, и пошел к морю. Он заплывал так далеко, что отель становился небольшой светлой точкой, и возвращался обратно. Пока не обессилел.

Вернулся в отель уже утром. Никто в ту ночь так и не ложился спать. Королев пил кофе в столовой. Ферт часто курил, ходя по периметру большого бассейна.

Катя сидела возле огромного цветника и в смятении срывала высокие травинки, бросая их обратно на газон...

- Пойдемте завтракать! - позвал всех Музыкант. - Что случилось - то случилось. Все. Этого больше нет. Это прошлое.

Ванин поднял красные, опухшие от слез глаза и робко пошел за Музыкантом. Именно Сергей тяжелее всех перенес смерть щенка, словно тот был близким и родным существом.

Серый прошел в столовую вслед за ними. Он думал. Не о щенке, не о том, что делать дальше, не о прошлом и не о будущем. Александр попал туда, куда стремился, и имел то, чего хотел. Никаких препятствий для того, чтобы пить, больше не было.

Накануне он перетащил из столовой к себе в номер две дюжины бутылок. С любовью расставил их в небольшом холодильнике, на секретере, на резном маленьком столике...

* * *

Постоянно находясь в состоянии опьянения, Серый начал чувствовать легкое неудобство, которое постепенно переросло в тупое раздражение. В своем стремлении к выпивке он привык преодолевать препятствия. Если хотел выпить - искал поводы скрыться от окружающих, если уже выпил - тоже старался не попадаться на глаза. Только вечером, за ужином или во время какого-нибудь праздника, Серый мог, никого не обманывая и ничего не придумывая, спокойно предаться любимому занятию. Да и то требовалось соблюдать меру или хотя бы делать вид, что таковая соблюдалась. Официально похмелиться получалось только во время большого праздника, которых было не так уж и много. Новый год, дни рождения, свадьба родственников...

Но здесь, в Неизвестности, у Серого наступил один большой праздник, который постепенно переставал им быть без видимых на то причин.

Александр надоело просто пить. Для того чтобы придти к комфортному состоянию, ему хотелось, чтобы выпивка являлась результатом усилий,

своеобразной наградой за, пусть и небольшое, но действие. Это ощущение раздражения нарастало и не давало Серому спокойно блаженствовать в алкоголистической нирване.

В то же время Александр прекрасно понимал, что его тут некому ограничивать, да и, честно говоря, не хотелось ему внешних ограничений, от которых он сбежал в Неизвестность, а для внутренних – он был недостаточно сильной личностью.

...Как-то во время завтрака, попивая пиво с маслинами, Серый рассеяно слушал Музыканта. Тот, обсуждая недавний поход в город, рассказывал о необычном местном фрукте.

– Инджин... – задумчиво проговорил Музыкант, вертя в руках ножик и постукивая им по краю стола. – Интересно, что это за фрукт, который нигде не растет, а только здесь.

– Обычный фрукт с тягучей мякотью, – Катя взяла ножик из его рук и стала очищать апельсин, протягивая дольки Музыканту. – Дающий хорошее настроение, как они сказали.

– А что, если брагу сделать из этого инджина? – неожиданно оживился Серый.

– Саш, зачем тебе брага? – удивился Музыкант. – Тебе алкоголя не хватает?

– Вот ты пишешь музыку. Тебе ее не хватает? Той, что есть?

– Нет, – Музыкант внимательно посмотрел на Серого. – Я пишу, потому что мне это нравится. Я, кажется, тебя понимаю. Скучно просто так пить стало? С исчезновением запретов, и кайф пропал?

– Ну, вроде того, – вздохнул Александр. – Катя, а как переводится этот инджин?

– Ин джин. Бог внутри, – серьезно ответила она, откладывая нож.

– Не слушай ее, – Музыкант рассмеялся, – мотор, кажется... Или двигатель... Или локомотив. Я точно не помню. Или ядро.

– Локомотив говоришь? – Серый приободрился. – Хорошее название. В тему, однако.

– Хватит мне уже апельсин давать! – Музыкант посмотрел на Катю.

– Ты ешь, я и даю, – она собрала корки на тарелку.

– Ты даешь, я и ем, – улыбнулся он.

– Вот и катимся оба по инерции...

* * *

Наскоро завершив трапезу, Александр бодрым шагом направился в город. Настроение у него улучшилось. От легкой депрессии, мешавшей ему спокойно пить в последнее время, не осталось и следа.

«Если этот фрукт поднимает тонус, значит, и брага получится из него отменная!» – рассуждал Александр, приближаясь к кафе.

– Здравствуйте! – улыбнулся бармен. – Кофе?

– Нет, спасибо, – Серый мотнул головой, подсаживаясь к стойке. – Где я могу достать инджин?

– Инджин? – удивился парень. – А зачем?

– Ну... поесть, – замялся Серый.

– Понимаешь, мы ведь продаем инджин, за счет него существует наш город. Его здесь ценят. Его берегут. Это единственное, что есть у нас, – развел руками бармен. – Его просто так тебе никто не даст.

Александр задумался. Потом хлопнул себя ладонями по коленкам:

– А мне и не надо просто так! Давай, меняться?

– Можно... – засмеялся бармен. – А что ты можешь предложить взамен?

Серый вытащил из кармана небольшую металлическую фляжку, стилизованную под портсигар:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/algebra-slova_/voshedshie-v-neizvestnost

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)